

«НЕКЕМ ВЗЯТЬ!»
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Российский абсолютизм основывался на представлениях о государстве как удельной вотчине, а о подданных – как бесправных государевых холопах. «Московский государь как князь Московский был вотчинником, “хозяином земли русской” (так называли еще Николая II), – писал русский философ Г. П. Федотов. – Но он же был преемником и ханов-завоевателей, и императоров Византийских. Царями называли в России и тех и других. Это слияние разнородных идей и средств власти создавало деспотизм, если не единственный, то редкий в истории. Византийский император в принципе магистрат, добровольно подчиняющийся своим собственным законам. Он, хотя и без всяких оснований, гордился тем, что царствует над свободными, и любил противопоставлять себя тиранам. *Московский царь хотел царствовать над рабами и не чувствовал себя связанным законом.* С другой стороны, восточный деспот, не связанный с законом, связан традицией, особенно религиозной. В Москве Иван IV и впоследствии Петр показали, как мало традиция ограничивает самовластие московского царя»¹.

«Иван III настойчиво заявлял и его преемники повторяли, что вся Русская земля – их *отчина*. ...В Москве заявляли притязание на Русскую землю как на целый народ во имя государственного начала, а обладать ею хотели как отчиной на частном удельном праве»².

Ивана Грозного очень беспокоила мысль о похищении царской власти боярами, о том, «чтобы рабам помимо господ обладать властью». В своем письме А. М. Курбскому царь писал: «Это ли совесть прокаженная, чтобы царство свое в своей руке держать, а рабам своим не давать властвовать? Это ли противно

¹ Федотов Г. П. Россия и свобода // Русская идея: В двух томах. Т. 2. М., 1994. С. 184–185 (Выделено мной. – В. Р.)

² Ключевский В. О. Сочинения. В. 9 т. Т. 2 «Курс русской истории. Ч. 2., М., 1987. С. 119–120.

разуму — не хотеть быть обладаемому своими рабами? Это ли православие пресветлое — быть под властью рабов?»³.

«Все *рабы и рабы*, и никого больше, кроме *рабов*, — комментирует мысль царя В. О. Ключевский. — Курбский толкует царю о мудрых советниках, о синклите, а царь не признает никаких мудрых советников, для него не существует никакого синклита, а есть только люди, служащие при его дворе, дворовые холопы. ...Бояре возомнили себя властными советниками государя всея Руси в то самое время, когда этот государь, оставаясь верным воззрению удельного вотчинника, согласно с древнерусским правом, пожаловал их как дворовых слуг своих в звание холопов государевых... Вся философия самодержавия у царя Ивана свелась к одному простому заключению: “Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же”»⁴.

Квинтэссенцией этой философии власти стала *опричина* — механизм, с помощью которого осуществлялось подавление любых ростков демократии и попыток децентрализовать власть. Страшным свидетельством того, какими методами действовали опричники царя, является новгородский погром, продолжавшийся более пяти недель — с 6 января по 13 февраля 1570 г. По свидетельству историков, в ходе погрома *ежедневно* «ввергали в воду (под лед) пятьсот или шестьсот человек», а в иные дни — до полутора тысяч. При этом «новгородский погром — быть может, самый зловещий, но все же лишь эпизод в той вакханалии зверских, садистски изощренных казней, которая продолжалась добрых полтора-два десятка лет»⁵.

Раскрывая причины обращения Ивана Грозного к политике опричнины, историки подчеркивают, что она нужна была ему как репрезентант силы, призванный компенсировать неэффективность государственного управления. «Власти Ивана IV хватало, чтобы срубить голову любому подданному, но в его руках не было главного — правительственного аппарата, разветвленного, имеющего своих преданных агентов на местах. Поэтому многие реформы оставались на бумаге, правительство оказывалось не в

³ Ключевский В. О. С. 157.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 157, 170, 158.

⁵ Кобрин В. Посмертная судьба Ивана Грозного // Знание — сила. 1987. № 8. С. 57.

силах провести в жизнь собственные указы. Опричнина была попыткой компенсировать слабость власти ее суровостью»⁶.

Опричнина была школой жестокости, безнравственности, деспотизма. Причем ее жертвами стали не только бояре, но и «совсем не повинные в боярской крамоле дворовые люди, подьячие, псары, монахи и монахини...»⁷ Опричнина укрепляла в народном сознании образ деспотического государства как власти, не связанной ни законом, ни культурной традицией. Но особенно тяжелые политические и нравственные потери в результате опричнины понес правящий слой российского общества. По словам Г. П. Федотова, «победа опричнины, нового “демократического” служилого класса над родовой знатью означала *варваризацию правящего слоя, рост холопского самосознания в его среде* и даже усиление эксплуатации трудового населения»⁸.

Оценивая законодательство Петра I, В. О. Ключевский отмечает, что оно не только не пошло против вредных для государства «холоповладельческих стремлений», но и «загнало в крепостную неволю целые разряды свободных лиц и уравнило все виды неволи близко к типу полного холопства. Так оно отбрасывало общество далеко назад, к знакомой на Руси исстари греко-римской норме: “Рабство неделимо; состояние рабов не допускает никаких различий; о рабе нельзя сказать, больше или меньше он раб”». По словам ученого, «Петр думал о своей казне, а не о народной свободе, искал не граждан, а тягловцев, и подушная перепись дала ему не одну сотню тысяч новых тягловцев, хотя и с большим ущербом для права и справедливости»⁹.

Екатерина II прекрасно понимала, что чрезмерный деспотизм подтачивает власть, что миллионы рабов очень опасны для самодержавия. «Если не согласимся на уменьшение жестокостей и умерение человеческого роду нестерпимого положения, — писала императрица о крепостных в своем письме генерал-прокурору А. А. Вяземскому, — то и против нашей воли сами

⁶ Кобрин В. Указ. соч. С. 59.

⁷ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 174, 175.

⁸ Федотов Г. П. Россия и свобода... С. 183–184 (Выделено мной. — В. Р.)

⁹ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 2989. С. 96.

оную возьмут рано или поздно»¹⁰. И вообще, по ее мнению, обращение рождающихся свободными людей в рабство противоречит христианской религии и справедливости¹¹. Неслучайно поэтому в своем «Наказе» для членов Уложенной комиссии Екатерина заявляла о том, что задача правителя состоит не в том, чтобы «у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого от всех добра»; говорила о равенстве людей перед законом и вообще о равенстве людей¹².

Однако различные слои российского общества восприняли эти прогрессивные идеи довольно прохладно, а то и просто враждебно. Вот какой пример приводит историк Н. Эйдельман. По специальному заказу канцлера М. И. Воронцова француз де Буляр составил записку, в которой доказывал пользу для государства «третьего чина» (т. е. «третьего сословия»). По его словам, «третий чин» — это «душа общества», а «всякая держава, в коей не хватает третьего чина, есть несовершенна, сколько бы она ни сильна была».

После этого был составлен доклад для Екатерины II, в котором рекомендовалось, чтобы «купцы больше у нас свободы и почтения имели», и предлагались различные меры для реализации этого предложения. Заинтересовавшись этой идеей, Екатерина пригласила к себе для ее обсуждения 28 видных купцов. «Однако их просьбы оказались самыми прагматическими (пошлины, цены, монополии) и совершенно не касались политических, судебных прав, столь заботивших французского буржуа; среднее же российское купечество и мещанство в ту пору испугались, как бы не усилилась, не выгадала от новых привилегий как раз приглашенная царицей верхушка купечества. Екатерина после того “остыла”, отказалась от проектов третьего чина»¹³.

То же касается отношения к крепостному праву. Первоначально Екатерина намеревалась предоставить крепостным право

¹⁰ Цит. по: Эйдельман Н. «Революция сверху» в России (заметки историка) // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 120.

¹¹ См.: Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1989. С. 67.

¹² См.: История Европы. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. С. 398–399.

¹³ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России (заметки историка) // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 120.

собственности на имущество, охрану их от произвола помещиков. Однако большинство дворянских депутатов при обсуждении нового Уложения заняло откровенно консервативно-охранительную позицию, продемонстрировало решимость в отстаивании своих крепостнических прав. Вот почему Екатерина сняла свои предложения, оставив лишь общие рекомендации: без особой необходимости «не приводить людей в неволю», «учредить нечто полезное для собственного рабов имущества»¹⁴.

Похожая участь постигла и другое начинание Екатерины II – проект Императорского совета. Был даже подписан манифест (28 декабря 1762 г.) и назначены члены Совета. Однако столкнувшись с тем, что проблема реформирования верховного управления не вызывает интереса у дворян, Екатерина впоследствии отказалась от своих планов (по словам В. О. Ключевского, царица «впала в раздумье, кой с кем посоветовалась и похоронила дело»). «Угадывая ли тайную мысль Екатерины, или по искреннему холопьюму усердию придворного особенно дальновидно высказался фельцейгмейстер Вильбуа, заявив, что законом установленный Совет со временем поднимет до значения соправителя, слишком приблизит подданного к государю и может породить желание поделить с ним власть, что разум императрицы не нуждается ни в каком Совете...»¹⁵.

По свидетельству Н. Эйдельмана, в 1820 г. несколько видных государственных деятелей (Воронцов, Меншиков, Васильчиков) заявили Александру I царю о необходимости коренных преобразований, на что он ответил им: «Некем взять!» Царь имел в виду отсутствие людей, слоя, на который он мог бы опереться при осуществлении столь необходимых стране преобразований. По мнению учителя Александра I Лагарпа, против реформ будет почти все дворянство, чиновничество, большая часть купечества. Буржуазия же неразвита и мечтает превратиться в дворян, получить крепостных. Что касается народа, то «он желает перемен... но пойдет не туда, куда следует... Ужасно, что русский народ держали в рабстве вопреки всем принципам; но поскольку факт этот существует, желание положить предел подобному злоупот-

¹⁴ См.: История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). С. 399.

¹⁵ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1989. С. 65.

реблению власти не должно все же быть слепым в выборе средств для пресечения этого»¹⁶.

Вот она – плата за многовековое холопство! Действительно, «некем взять!» И ведь это не в первый и не в последний раз в российской истории: верховная власть оказывается прогрессивнее, – во всяком случае, в своих намерениях – чем общество, пребывающее в плену подданнической, государственно-патерналистской ментальности. Особенно печально, что холопами государевыми ощущали себя верхние слои российского общества. Да и как могло быть иначе, если сама верховная власть не культивировала в этих слоях понятия человеческого достоинства и личной чести – этого принципа монархического правления (Ш. Л. Монтескье). Вместо этого насаждался другой образ – «государева слуги», «холопа ивашки царствующей особы».

Приведенные выше исторические свидетельства красноречиво говорят о масштабе личности подобных «государевых слуг», об их человеческих и профессиональных качествах. Российские правители отнюдь неслучайно постоянно оказывались жертвами своей же «кадровой политики». Характеризуя правящий класс Петра I, В. О. Ключевский писал о нем как о «сотрудниках реформ поневоле»: «...Эти люди не были в душе ее искренними приверженцами, не столько поддерживали ее, сколько сами за нее держались, потому что она давала им выгодное положение. Петр служил своему русскому отечеству, но служить Петру еще не значило служить России. Идея отечества была для его слуг слишком высока, не по их гражданскому росту. *Близжайшие к Петру люди были не деятели реформы, а его личные дворовые слуги.* Он порой колотил их, порой готов был видеть в них своих сотрудников, чтобы тем ослабить в себе чувство скуки своим самодержавным одиночеством»¹⁷.

Действительно, трудно представить, чтобы человек, которого колотит начальник, был хранителем чести. Не случайно поэтому наиболее «влиятельные люди, в руках которых очутились судьбы России в минуту смерти Петра... начали дурачиться над Россией тотчас по смерти преобразователя... Это были истые де-

¹⁶ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России (заметки историка) // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 103.

¹⁷ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 232. (Выделено мной. – В. Р.).

ти воспитавшего их фискально-полицейского государства с его произволом, его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства»¹⁸.

Народ же, как всегда, безмолвствует. Он не только не нуждается в свободе – он боится ее, а в самодержавии видит лучшую защиту от притеснений господ. В массовом сознании преобладают установки на полное подчинение личности группе, обществу, государству, «начальству».

В этом – ключевое отличие исторических судеб Запада и России. Сравнивая их, К. Д. Кавелин писал: в Европе «христианское начало безусловного достоинства человека и личности... сделались лозунгами всей новой истории, главными точками или центрами, около которых она вертится». Это личное начало буквально пронизывает все сферы общества. Исходным же историческим основанием России был родовой строй, а потому в ее традициях доминирует *общинно-хоровое начало*. По словам ученого, у русско-славянских племен отсутствовало «начало личности». «Семейственный быт и отношения не могли воспитать в русском славянине чувства особенности, сосредоточенности, которое заставляет человека проводить резкую черту между собою и другими и всегда и во всем отличать себя от других. ...О глубоком чувстве личности не может быть и речи»¹⁹.

Русская крестьянская патриархальная семья и сельская переловная община формировали *авторитарный тип личности*, характерными чертами которого были: умение жертвовать личными интересами во имя общих; эгалитаризм; патернализм; традиционализм; консерватизм; групповой конформизм; стремление к единомыслию. Именно такие люди являются социальной базой политического авторитаризма. «Иметь одного старшего в доме и слушаться его во всем – это одна из отличительных черт характера русского народа, – писал публицист А. Л. Леопольдов. – Мило смотреть на это маленькое патриархальное управление (в крестьянской семье. – В. Р.). Вот где зародыш безусловного повинове-

¹⁸ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 233–234.

¹⁹ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 20, 22.

ния русского народа властям, от бога поставленным»²⁰. Неслучайно поэтому российские императоры видели опору самодержавия именно в крестьянской общине, которая (как и патриархальная семья) не претерпела существенных изменений вплоть до начала XX века.

Семья и община формировали у крестьян персонифицированное, «вождистское» восприятие власти, чувство полной зависимости от государства, установку на беспрекословное подчинение ему как верховной силе. Даже в пореформенной России XIX века основная масса населения была не готова к активной борьбе за свои политические права и не осознавала потребности в этих правах, не увязывала их со своими материальными интересами. «Установленная власть всегда для нас священна, — писал П. Я. Чаадаев. — ...Русский народ ничего другого никогда и не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета, применяемого с большей или меньшей суровостью, и только. Всякий государь, каков бы он ни был, для него — батюшка. ...Мы с радостью расточаем права отцовства по отношению ко всякому, от кого зависим»²¹.

Даже прогрессивные реформы Александра II не смогли сформировать в дореволюционной России ту скрепляющую общность, роль которой на Западе играло «третье сословие». Именно это сословие было наиболее последовательным сторонником политических и гражданских прав и свобод, институционализация которых как раз и способствует преодолению сервилизма и выработке принципиально иного типа личности — свободного человека. В России же «низы» общества оставались бесправными и если не юридически, то фактически, ментально продолжали ощущать свою почти безграничную зависимость от «верхов», от «начальства». Ставшая уже во многом привычной для европейцев парадигма взаимоотношений гражданина и государства, в основе которой лежит принцип равенства (правосубъективности) сторон, оставалась глубоко чуждой большинству россиян. В широких слоях российского общества продолжало доминировать просительное-почтительное отношение к власти.

²⁰ Цит. по: Миронов Б. Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 235.

²¹ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1990. С. 204.

Именно поэтому очень трудно приживались в России такие новые социальные и политические институты, как профсоюзы, партии, парламент, земство, суд присяжных. Вот – типичный пример из пореформенной России XIX века. Однажды местный барин выступал в суде в роли адвоката. Слушая его речь, присяжные заседатели – крестьяне и мещане – изрядно волновались. Когда адвокат закончил выступление, старшина присяжных встал, поклонился и сказал: «Помилуйте, батюшка, Петр Наркизович, да напрасно и трудиться изволили. Как прикажете, так и осудим». Комментируя этот случай, Г. Попов справедливо отмечает: «Эта неготовность крестьян даже к роли присяжных гораздо полнее, чем крах “хождения в народ”, говорит о том, насколько массы были не готовы к активной борьбе за свои политические права и не осознавали потребность в этих правах, не увязывали их со своими материальными интересами. Для этого понадобилась целая эпоха»²².

Впрочем, не только «низы», но и большая часть российского дворянства оставалась зависимой от государства и была политически пассивной. Российское купечество получило гражданскую свободу лишь в конце XVIII века, однако при этом оставалось в большой зависимости от государства. Классовое самосознание рабочих и крестьян было неразвитым.

Словом, в дореволюционном российском обществе было слишком мало экономически самостоятельных людей, сохранялось огромное количество мало- и нищих. Экономическое и политическое бесправие россиян закономерно оборачивалось их преимущественно *пассивной* адаптацией к социальной среде, тормозило процесс становления гражданского самосознания. «Бессмыслицей» для русского человека была не только идея законности, но и большинство других политических и гражданских прав и свобод.

Впрочем, власть в России держала под своим контролем не только экономическую и политическую сферы. Самодержавие всегда стремилось детально регламентировать все, даже самые мельчайшие аспекты жизни человека. Самое печальное состоит в том, что «...народное сознание признавало право властей на вмешательство в детали частной жизни, что не только дом их не

²² Попов Г. Как писарь в России великую силу взял. История одной политической реформы // Родина. 1989. № 2. С. 32.

был их крепостью, но и бороды их не считались их собственностью, и вкусы, и мысли их им не принадлежали. Культурная традиция не выработала защитных механизмов, которые сделали бы невозможным, невыносимым, оскорбительным для их человеческого достоинства такое вмешательство государства»²³.

Виной тому – не только экономическое и политическое бесправие. Это еще и дефицит таких естественных составляющих свободы, как внутренняя ответственность, способность к самоуправлению, развитое чувство собственного достоинства. Нераскрытость и неразвитость культуры личной ответственности и личной чести, неспособность к духовной автономии стали, выражаясь словами Н. А. Бердяева, «болезнью нашего национального духа». Философ характеризовал Россию как страну неслыханного сервилизма и жуткой покорности; как страну, лишенную сознания прав личности и не защищающую достоинство личности»²⁴.

Авторитарному типу личности свойственна крайняя противоречивость установок по отношению к власти. С одной стороны, такой человек воспринимает власть как персонифицированную категорию; отсюда – вождизм и всякого рода культы правителей. С другой стороны, он относится так не ко всякой власти, а лишь к сильной, авторитарной, поскольку, по словам Э. Фромма, «сила автоматически вызывает его любовь и готовность подчиняться независимо от того, кто ее проявил». Если же государство, которому он беззаветно верит и беспрекословно подчиняется, проявляет признаки слабости, то «его любовь и уважение превращаются в презрение и ненависть».

Впрочем, «бунтарский» потенциал авторитарного человека большую часть времени пребывает в латентном, подавленном состоянии и проявляется только «при ослаблении сознательного контроля». Бунт таких людей против власти есть не что иное, как крайне нерациональная, извращенная форма выражения социального недовольства. Э. Фромм называл бунт авторитарного человека «бравадой», попыткой «утвердить себя», при которой «мечта подчиниться, осознанная или нет, ...сохраняется»²⁵.

²³ Янов А. Истоки автократии // Октябрь. 1991. № 8. С. 146.

²⁴ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 18–19.

²⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 145, 146.

Характер авторитарного человека, как видим, антиномичен: покорность по отношению к власти сочетается в нем с готовностью к бунту против нее. Это тоже закономерное следствие политического и гражданского бесправия. Об этом писали многие русские философы. Тот же Н. А. Бердяев, например, утверждал, что русские или бунтуют против нелюбимого, ненавистного им государства, или терпеливо несут его гнет²⁶.

Г. П. Федотов обращал внимание на поразительное явление в Москве XVII века: с одной стороны, обожание народом царя, отсутствие даже намека на политическую оппозицию ему, на стремление избавиться от его власти; с другой стороны, бесконечная череда народных бунтов, свидетельствующих о непосильности тягот государственного бремени. «Когда терпеть становится невмочь, когда “чаша народного горя с краями полна”, тогда народ разгибает спину: бьет, грабит, мстит своим притеснителям – пока сердце не отойдет; злоба утихнет, и вчерашний “вор” сам протягивает руки царским приставам: вяжите меня»²⁷.

Корень этой загадочной противоречивости русского национального характера Н. А. Бердяев усматривал в таком изъяне нашей культуры, как стремление к абсолютному и бездарность во всем относительном и среднем. Максимализм, утопизм, «все или ничего» – вот наша ментальность. Дефицит прагматизма, рационализма, здравого смысла, «бездарность во всем относительном и среднем» порождают у такого человека стремление к крайним мерам, к радикальным политическим и социальным проектам. Большевицкая революция как раз и являла собой пример такого проекта.

В. Н. Руденкин, К. А. Крутой

ЛОББИЗМ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ МИРА

В развитых странах мира лоббизм на протяжении последних десятилетий превратился в очень влиятельный политический

²⁶ См.: Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 169.

²⁷ Там же. С. 187–188.